
В. В. ГУРУЛЕВА

**«В ПАЛЕСТИНЕ СКОРО БУДЕТ РУССКИЙ МУЗЕЙ»
(Музей архимандрита Антонина в Иерусалиме)**

18 марта 1894 г. генеральный консул Российской империи в Иерусалиме С. В. Арсеньев был приглашен в Русскую духовную миссию для составления завещания тяжело больного начальника Миссии архимандрита Антонина. Согласно с последней волей Антонина, Святейшему Синоду передавались все приобретенные им в Палестине земельные владения и печатные книги библиотеки, а Духовной миссии с тем, чтобы постоянно находиться в одной, собранный им музей древностей, за исключением бюста Ирода Великого, который должен был быть передан в Эрмитаж.¹

Музей, а вернее — собрание древностей, сложился у архимандрита Антонина за много лет целенаправленной собирательской деятельности и случайных находок в ходе раскопок во время строительства храмов, школ, паломнических приютов и других зданий на землях, приобретенных им в Святой Земле. Собственно коллекционерский интерес архимандрит Антонин проявлял к древним рукописям и монетам, приобретая их в Афинах, Константинополе, Иерусалиме и во время путешествий по Святым местам. Но и этим памятниками, наряду с прочими древностями, которыми изобиловали земли Греции и Оттоманской Порты, Антонин многие годы щедро делился с различными музеями России, в том числе формируя и пополняя коллекции церковно-археологических музеев всех четырех Духовных академий, особенно Киевской. Поэтому можно сказать, что при жизни архимандрита Антонина хранящиеся в миссии памятники не были музейным собранием, а представляли собой склад древностей, служивших источником для пополнения коллекций российских музеев. Видимо, завещая свое собрание миссии и называя его музеем, архимандрит Антонин постарался таким образом обеспечить его целостность и сохранность.

¹ *Дмитриевский А. А.* Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин). СПб., 1904. С. 52 (отд. отт. Из Сообщений Императорского Православного Палестинского общества. Т. 15, вып. 2).

На момент публикации статей о нумизматической деятельности Антонина я ничего не могла сказать о составе коллекций и о бытности музея после смерти архимандрита, оставив изучение этого вопроса на будущее.² Как теперь удалось выяснить, судьба этого музея была непростой. Обнаруженные в архивах документы сами по себе, не нуждаясь в особых комментариях, являются красноречивыми и грустными свидетелями существования единственного в Иерусалиме российского музея.³ Сменивший Антонина на посту начальника миссии архимандрит Рафаил, видимо, не был готов принять подобное наследство. Во время его руководства миссией (1894—1899) музей был закрыт и опечатан печатью иерусалимского консула С. В. Арсеньева, а затем и печатью нового начальника миссии.⁴

Не только новое руководство миссией, но и более просвещенный глава Святейшего Синода первоначально оставил без внимания тот пункт завещания, который касался музея, переданного в подчиненную ему миссию, беспокоясь только об оформлении земель, приобретенных архимандритом Антонином за годы его службы в Иерусалиме.⁵

Однако по мере необходимости в помещения, которые занимают музей, несколько раз заходили, чтобы внести или вынести вещи, составляя специальные протоколы каждого посещения, правда, без указания фамилий тех лиц, которые там побывали. Так, 10 июня 1894 г. из кабинета архимандрита Антонина в Музей были перенесены найденные в шкафу монеты (что это были за монеты и сколько — не указано),⁶ над которыми, по-видимому, Антонин работал, пока у него были силы. Обычно по вечерам он сам чистил окислившиеся монеты и распределял их по эпохам и правителям, называя такие занятия «заседаниями нумизматическими». Есть в протоколе под № 11 от 26 июня 1898 г. запись, сообщающая, что «в музей внесены были перевезенные из Яффского дома древ-

² *Гурулева В. В.* 1) Архимандрит Антонин как нумизмат // Нумизматический сборник 1998. К 80-летию В. М. Потина. СПб., 1998. С. 235—243; 2) Русские коллекционеры памятников нумизматики на Православном Востоке (Вторая половина XIX—начало XX века) // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества: Сб. науч. трудов. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001. С. 168—169.

³ Упоминание о музее в этот период имеется в работе: *Никодим (Ротов)*, архимандрит. История Русской духовной миссии в Иерусалиме // Богословские труды. Сб. 20. М., 1979. С. 52.

⁴ АВПРИ, ф. 337/2, Русское имп. Православное палестинское общество (далее — РИШПО), оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 234.

⁵ В выписке из определения Святейшего Синода от 7 февраля/22 марта 1896 г. за № 788 о завещании о. архимандрита Антонина ни словом не упоминается музей. Поскольку многие участки земли не имели документов, подтверждающих законность их приобретения, на генерального консула в Иерусалиме А. Г. Яковлева была возложена задача оформить все эти приобретения должным образом. АВПРИ, ф. 337/2, РИШПО, оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 9—12. Многие документы АВПРИ опубликованы в фундаментальном труде, подготовленном Н. Н. Лисовым, «Россия в Святой земле. Документы и материалы» (Т. 1—2. М., 2000).

⁶ АВПРИ, ф. 337/2, РИШПО, оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 234.

ности: надгробные камни, глиняные и стеклянные лампочки, большая плита с финикийской надписью и пр.». Остается неясным, однако, являлись ли эти памятники частью собрания архимандрита Антонина. Возможно, эти вещи имеют иное происхождение, и их присоединили к музею для удобства хранения. Но не исключено, что это были памятники, найденные во время раскопок архимандрита Антонина, которые проводились и в Яффе.⁷

В октябре—ноябре 1896 г., во время поездки по Палестине, музей осмотрел Ф. И. Успенский. Об этом свидетельствуют его письма, вызванные беспокойством за судьбу памятников древности (в протоколе о посещении опечатанного помещения к этому времени относятся две записи: от 6 и 7 ноября⁸). Ф. И. Успенский отправил три письма разным лицам с интервалом в несколько дней. Первое и наиболее подробно освещающее положение дел в музее письмо было адресовано русскому послу в Константинополе А. И. Нелидову. Ф. И. Успенский пишет:

«После настоятеля Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина осталась библиотека и коллекция древних памятников, имеющая поступить, согласно завещанию о. Антонина, в Русскую Духовную Миссию.

Ознакомившись с тем и другим собранием, я вынес убеждение, что как между книгами, так в особенности между археологическими предметами есть очень ценные и редкие вещи. К сожалению, обе коллекции находятся в настоящее время в крайнем беспорядке; книги лежат кучами на полу, рукописи попадают и на стульях, и в шкапах среди печатных книг, и на полу; собственноручные заметки о. Антонина, планы, эстампажи и проч. валяются где попало. Не в лучшем состоянии и археологическая коллекция. В ней есть большое собрание монет (свыше 5000), между которыми прекрасная коллекция византийских золотых монет (свыше 70); в ней дальше находится свыше 2000 фрагментов и мелких предметов египетского, греческого и христианского искусства; кроме того, есть камни с надписями, скульптурные обломки, кресты, вазы, статуэтки. Некоторые предметы, как весьма редкие и хорошо сохранившиеся, могли бы занимать видное место в любом музее.

Как сделана будет передача этого наследства Русской Духовной Миссии? Этот вопрос заслуживает серьезного внимания ввиду того, что ныне в Миссии нет такого лица, которое бы обладало хотя некоторой долей опытности в библиотечном и музейном деле. Если коллекции будут переданы без описи и классификации по отделам, то этим они обречены будут на неизбежную гибель, ибо за неописанную коллекцию никто не может быть ответственен. Если же сдать и принять наследство по описи, то на кого возложить такую трудную и сложную задачу, требующую и времени, и специальных знаний? Но как бы то ни было затруднительно по местным условиям описать коллекцию о. Антонина, этим не изменяется сущность вопроса, ибо сдать коллекцию без описи — значило бы допустить большую ошибку и совершенно пренебречь интересы археологии.

Зная Ваше просвещенное внимание к интересам русской науки, имею честь покорнейше просить Вас не отказать в принятии зависящих мер, чтобы коллекции о. Антонина не передаваемы были бы в Русскую Духовную Миссию без надлежащей описи. Что же касается самой описи и потребных на исполнение ее средств, то я находил бы целесообразным представить этот вопрос на усмотрение Святейшего Синода».⁹

⁷ *Кириан (Кери)*, архимандрит. Антонин Карустин архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817—1894) // Материалы по истории церкви. М., 1997. Кн. 21. С. 186.

⁸ АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 234 об.

⁹ Копия с отношения г. директора РАИК г. императорскому послу от 22 ноября 1896 г. № 294 // АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/1, д. 601 (РАИК), 1844—1928, л. 19—20 об.

А. И. Нелидов, разделяя обеспокоенность Ф. И. Успенского положением дел с музеем архимандрита Антонина, написал вскоре лично обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву:

«Милостивый Государь Константин Петрович.

Директор Русского Археологического Института во время посещения им минувшей осенью Иерусалима имел случай ознакомиться с положением, в котором находятся в настоящее время коллекции, оставшиеся после покойного настоятеля нашей Духовной Миссии, архимандрита Антонина.

Действительный Статский Советник Успенский представил мне по этому поводу соображения свои в прилагаемом при сем в копии письме. Опасения, подобные высказываемым г. Успенским, выражает и Генеральный консул наш в Иерусалиме. Считаю поэтому долгом своим довести до сведения Вашего Высокопревосходительства о желательности, указываемой компетентными лицами, принятия мер к сохранению этих драгоценных собраний.

Составление необходимых при этом описей могло бы, по моему мнению, быть возложено на Константинопольский Археологический институт в случае предоставления ему необходимых средств, он мог командировать в Иерусалим для этого одно или два обладающих требуемого научно подготовкою лица».¹⁰

Второе письмо Ф. И. Успенского было адресовано Василию Николаевичу Хитрову, помощнику председателя РИППО; в нем он главным образом пишет о необходимости проведения археологических раскопок в Палестине и только в конце письма замечает: «В Палестине скоро будет русский музей, так как завещание о. Антонина утверждено. Что станется с этим прекрасным собранием при настоящем положении дела?».¹¹

Последнее из упоминаемых писем было адресовано августейшему председателю Православного общества великому князю Сергею Александровичу, где Ф. И. Успенский, высказывая ту же озабоченность, добавляет, что музей «будет представлять большое затруднение для Духовной миссии, в которой не имеется лица, способного быть хранителем ценных собраний о. Антонина. Необходимо при том принять во внимание, что коллекции не приведены в порядок и не описаны и что, если они в таком неупорядоченном виде перейдут в миссию, то их может постигнуть обыкновенная судьба неописанных и плохо оберегаемых научных собраний». Далее Ф. И. Успенский высказывает готовность взять на РАИК заботу о музее и археологических раскопках в Палестине, если Общество будет ежегодно субсидировать эти работы.¹² Сергей Александрович направил это письмо в Совет Палестинского общества с резолюцией: «Мысль очень МНЕ симпатичная – желал бы, чтобы в Совете она была разработана и доложена МНЕ».¹³

28 апреля 1897 г. во исполнение воли Сергея Александровича состоялось заседание совета РИППО, где решались два вопроса, поднятых Ф. И. Успенским: о необходимости проведения археологических раскопок в Святой Земле и о музее архимандрита Антонина. По первому во-

¹⁰ АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/1, д. 601 (РАИК), 1844—1928, л. 21—21 об.

¹¹ Ф. И. Успенский — В. Н. Хитрову. Константинополь. 25 ноября 1896 г. // АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, 1844—1928, оп. 873/1, д. 601 (РАИК), л. 8 об.

¹² Ф. И. Успенский — вел. кн. Сергею Александровичу. Константинополь. 4 декабря 1896 г. // АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/1, д. 601 (РАИК), 1844—1928, л. 10—15.

¹³ Там же, л. 10.

просу было принято решение о выделении РАИК единовременной субсидии в сумме 5000 р. для научных исследований в Палестине или Сирии. Что же касается музея архимандрита Антонина, то Совет РИППО вынес такую резолюцию:

«Неизвестность того, что составляет собственно музей и библиотеку покойного архимандрита Антонина, мешает возможности, в данную минуту, с точностью определить, возможно ли будет вообще научное их описание. Есть, наоборот, указания, которые заставляют предполагать, что такое описание относительно музея едва ли будет возможно, а относительно библиотеки едва ли необходимо. Вещи, входящие в состав музея, за малыми исключениями, приобретались о. архимандритом Антонином в течение 40-летнего его пребывания на востоке, в разных странах, и складывались в музей без точного обозначения, где, когда и при каких обстоятельствах та или другая вещь приобретена, а без такого обозначения самая вещь значительно теряет свое научное значение. То же можно сказать и о библиотеке, где каталог рукописей составлен был еще самим архимандритом Антонином при продаже их Императорской Публичной библиотеке, а остающиеся затем печатные книги едва ли потребуют научного описания. Но если научное описание музея и библиотеки является преждевременным, то, по мнению Совета, сдаточная опись как того, так и другого становится безусловно необходимою. Со дня кончины архимандрита Антонина протекло ныне более 4 лет, как вещи, так и книги были сложены в двух помещениях, тогда же запечатанных и в которые до настоящего времени доступ вследствие того был возбранен. Такое отсутствие непосредственного надзора могло только вредно отразиться на их состоянии. Мало того, ввиду их опечатания распоряжения покойного о. архимандрита относительно некоторых вещей и рукописей доселе не могли быть исполнены. Ввиду вышеизложенного Совет Императорского Православного Палестинского Общества полагал бы существенно необходимым командировать немедленно лицо для составления сдаточной описи музея и библиотеки. Таковая опись не потребует ни особенных научных сил, ни продолжительного времени и, по своему составлении, доставит возможность точно затем определить, необходимо ли будет и в какой мере научное описание музея и библиотеки. Так как исполнение духовного завещания о. архимандрита Антонина есть исключительно дело Синода, то Императорское Православное Палестинское Общество вошло с ним в ближайшее по сему вопросу сношение».¹⁴

Положение этой резолюции, касающееся оценки музейного собрания, во многом утратившего, по мнению членов РИППО, свое научное значение из-за депаспортизации экспонатов, сыграло роковую роль для музея. Такое мнение основывалось на общей практике того времени, когда памятники материальной культуры изучались в их археологическом контексте, а вещи сами по себе мало что говорили исследователю. До сих пор для археологов неинтересны, например, монеты, если они не имеют привязки к тому или иному культурному слою. Другое дело – музейная работа, где исследователи хранят и занимаются памятниками как таковыми, применяя иные методики для их атрибуции и изучения. Резолюция Совета РИППО, предполагавшая более легкий и дешевый путь для составления описи музея, стала для Синода самой приемлемой.

Однако время шло, но дело с передачей музея миссией не продвигалось. В письме Ф. И. Успенского секретарю РИППО Н. Н. Селифонтову от 27 мая 1898 г., где директор РАИК благодарит Совет Палестинского общества за деньги, выделенные на раскопки в Палестине и Сирии, вновь звучит готовность помочь в составлении сдаточной описи музея и библиотеки архимандрита Антонина.¹⁵ Но, как явствует из отчета Ф. И. Успенского 1900 г. об употреблении сумм, отпущенных РАИК Па-

¹⁴ Там же, л. 16—18.

¹⁵ Там же, л. 124—125.

лестинским обществом, к помощи сотрудников Института не прибегли,¹⁶ хотя музей так и стоял опечатанный.

Новый начальник Русской духовной миссии архимандрит Александр (1899—1903) проявлял искреннюю заинтересованность в завершении передачи музея миссии. Его письмо в Хозяйственное управление Синода от 17 ноября 1899 г. побудило петербургское начальство вспомнить о существовании музея. Письмо интересно не только своим содержанием, но и карандашными приписками, сделанными чиновниками Синода на его полях. Архимандрит Александр писал:

«Отношением от 10 ноября с. г. за № 1471 ИППО заявило мне, что оно предполагает летом будущего года командировать „опытного ученого“ в нашу РДМ в Иерусалиме для составления подробной описи библиотеки и музея древностей архимандрита Антонина, остающихся в нашем здании доселе не принятыми Миссией и запечатанными печатью нашего русского консула.

Подробная опись библиотеки и музея древностей архимандрита Антонина действительно необходима, в особенности при принятии их Миссией от Консульства. Посему почтительно прошу Управление, благоволите разрешить ИППО означенную подробную опись составить, а мне, начальнику Миссии, по оной описи принять и библиотеку, и музей древностей архимандрита Антонина».

Наверху, в левом углу, приписано карандашом: «Пр[иказано] переговоров[ить]. Кому завещана библиотека и музей?». Внизу, в правом углу, две такие приписки: «приказано пока повременить, до нового распоряжения. 3 дек. 1899» и «приказано повременить. 19 янв. 1900».¹⁷

И все-таки дело сдвинулось с мертвой точки. Ряд писем в Хозяйственное управление Синода свидетельствует о том, что начались поиски людей, которые согласились бы составить описи библиотеки и музея архимандрита Антонина. Первым, к кому обратились, был профессор Киевской Духовной академии Алексей Акимович Олесницкий (1842—1907), являвшийся известным специалистом в области библейской археологии. Вынужденный отказаться от этой миссии из-за болезни жены, А. А. Олесницкий тем не менее счел своим долгом высказать свои соображения по поводу библиотеки и музея:

«Что касается оставшегося на месте наследия отца Антонина, то

1. Никаких рукописей, принадлежавших ему, уже нет. Профессор Дмитриевский, бывший в Иерусалиме в летние месяцы прошлого года, свидетельствует, что все рукописи тогда еще были выделены из опечатанного имущества от Антонина и отосланы в Академию наук, которая их купила.

2. Библиотека печатных книг осталась на месте, но она в целом виде завещана той же Иерусалимской миссии, следовательно, должна остаться там, где она теперь находится, и никакому разбору не подлежит.

3. Остается на месте довольно большая коллекция находок, у палестинских драгоманов называемых „антиками“. Это древние монеты, геммы, остатки разной древней посуды, статуэтки, надгробные плитки и проч. Эта коллекция требовала бы пересмотра, ввиду того, что в нее случайно вкралось и довольно много поддельных древностей, фабрикуемых в Иерусалиме. Отец Антонин нередко приобретал и эти древности, так как и они бывали предметом обсуждений в археологических обществах и их изданиях. Но, с другой стороны, так как завещание должно быть выполнено в буквальной точности, то, может быть, это уже забота наследников-получателей разобраться в наследии древностей и отделить истинное от ложного».

¹⁶ Там же, л. 44—84.

¹⁷ АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/8, л. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 103.

На полях письма имеются приписки синим карандашом, исправляющие ошибочную информацию о завещании, изложенную А. А. Олесницким: «1) Рукописи по завещанию назначено продать Публ[ичной] биб[лиотеке] за 5000. 2) Библиотека печатная назначена Св. Синоду. Музей = Русской Миссии в Иерусалиме».¹⁸

Помимо того, что это письмо проливает свет на состав музея, оно интересно и тем, что объясняет причины появления в нем антикварных поделок. Архимандрит Антонин был одним из первых русских собирателей и исследователей, кто осознал важность коллекционирования поддельных памятников. Позже вопрос о поддельных памятниках, о необходимости их фиксировать и собирать, а также об их распознавании в коллекциях древностей волновал выдающегося русского ученого Н. П. Лихачева.¹⁹

Весной 1900 г. поручение Синода составить описи библиотеки и музея архимандрита Антонина согласился принять на себя профессор Московской Духовной академии (МДА) Василий Никанорович Мышцын (1866—1907?), который летом на каникулярное время командировался в Палестину.²⁰

О том, как он выполнил возложенное на него поручение, свидетельствует письмо начальника Русской духовной миссии (РДМ) архимандрита Александра в Хозяйственное управление Синода от 10 сентября 1902 г.:

«23 июня 1900 г. проф. Мышцын прибыл в Иерусалим и для исполнения порученного ему дела принял от русского консула 30 июня библиотеку, а 11 июля — музей.

20 июля 1900 г. он окончил составление описей и сдал мне библиотеку и музей, в чем я и расписался на составленных им описях, прошнурованных за печатью Миссии.

Сдавши библиотеку и музей, проф. Мышцын того же месяца и числа дал мне свою расписку в том, что он оставил у себя составленные им две описи для списывания с них копий для Миссии, причем вменил себе в неперемнную обязанность: как самые описи, так и копии с них без замедления переслать в Миссию для окончания дела, согласно распоряжению Хозяйственного управления от 26 апреля 1900 г. за № 10546. Впредь же, до получения Миссией названных описей и копий с них, двери библиотеки и музея были закрыты и наложены на них печати Духовной Миссии и самого проф. Мышцына».²¹

Как явствует далее из этого письма, еще 2 года музей простоял опечатанным. Время от времени представители Консульства открывали его, чтобы взять рукописи для Публичной библиотеки; телескопы для

¹⁸ Там же, л. 108—109.

¹⁹ *Климанов Л. Г.* Н. П. Лихачев и поделки // ВИД. Л., 1989. Т. 26. С. 289—290; *Гурлева В. В.* Нумизматика в жизни и трудах Н. П. Лихачева // ВИД. Л., 1998. Т. 21. С. 32—33.

²⁰ Письма: директора Хозяйственного управления при Святейшем Синоде — профессору МДА В. Н. Мышцыну от 21 апреля 1900 г.; Хитрово — Победоносцеву от 4 апреля 1900 г.; Победоносцев — послу в Константинополе И. А. Зиновьеву от 21 апреля 1900 г.; Победоносцев — Мышцыну от 21 апреля 1900 г. // АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 122—122 об., 123, 127, 128—129.

²¹ Начальник РДМ в Иерусалиме архимандрит Александр — в Хозяйственное управление Синода от 10 сентября 1902 г. // АВПРИ, ф. 337/2, РИППО, оп. 873/8, д. 3 (Об имуществе архимандрита Антонина), 1894—1906, л. 228—229.

отправки большого — в Киевскую Духовную академию и малого — в РИППО, последний, вероятно, для пересылки брату архимандрита Антонина, во исполнение завещания.

Наконец 31 августа 1902 г. императорское посольство в Константинополе разрешило передать музей и библиотеку архимандрита Антонина начальнику РДМ без описи. Архимандрит Александр обрисовал в цитированном выше письме состояние музея и библиотеки, а также свои усилия по приведению их в относительный порядок. Кроме того, он вынужден был, отчаявшись получить ответ от Мышцына на свои многочисленные просьбы, апеллировать к руководству Синода с просьбой о содействии в получении столь нужных для работы с музейным собранием описей коллекций:

«Пользуясь в настоящее время свободным доступом в библиотеку и в музей, я прежде всего вынужден был дезинфицировать все помещение библиотеки ввиду множества моли, повредившей большую часть книг, а после дезинфекции — приступил к уничтожению пыли, оказавшейся в таком изобилии, что приходится употребить очень много времени для освобождения от ней не только самого помещения библиотеки, но и каждой книги в отдельности.

По приведении в опрятный вид библиотеки займусь тем же и в помещении музея.

Затем следовало бы привести в порядок библиотеку и музей по описям, составленным Василием Никаноровичем Мышцыным. Но, к сожалению, до сих пор он еще не успел выслать мне ни копий с описей, ни самих описей.

Каждый год я обращаюсь к нему с усиленной просьбою не задерживать эти описи и копии с них, ввиду необходимости скорее окончить порученное ему дело и представить его в Хозяйственное управление. Но после продолжительных усиленных моих просьб к проф. Мышцыну о скорейшей высылке в Миссию названных описей я невольно вынужден больше не ожидать от него ответа на все свои просьбы, о чем и считаю долгом сообщить Хозяйственному управлению.

Быть может, г. проф. Мышцын, не сообщая мне, уже давно представил упомянутые описи в Хозяйственное управление для хранения их при делах Центрального Синодального управления. Если это верно, в таком случае прошу благоволить прислать мне удостоверенные с них копии, необходимые для обстоятельного знакомства с библиотекою и музеем, а равно — для лучшего приведения их в порядок.

В крайнем случае осмеливаюсь просить Хозяйственное управление благоволить напомнить проф. Василию Никаноровичу Мышцыну ускорить представление в Хозяйственное управление составленных им описей библиотеки и музея, а вверенной мне Духовной миссии выслать копии с этих описей.

При сем имею честь препроводить на благоусмотрение Хозяйственному управлению: а) расписку проф. Мышцына, данную им 20 июля 1900 г. и б) копию с протокола от 31 августа сего года за № 291, удостоверенную подписью и печатью Российского императорского Генерального Консульства».²²

Просьба была услышана. Из Хозяйственного управления Синода 31 октября 1902 г. было отправлено письмо В. Н. Мышцыну с изложением приказа К. П. Победоносцева ускорить доставление составленных им описей музея и библиотеки о. Антонина в Синод, а их копий — в РДМ.²³ Кроме того, 1 ноября 1902 г. обер-прокурор Синода лично написал ректору МДА официальное письмо с просьбой поторопить профессора Мышцына с завершением порученного ему дела.²⁴

²² Там же, л. 230—231 об.

²³ Там же, л. 237.

²⁴ Там же, л. 239.

Вскоре последовал ответ ректора МДА епископа Арсения, в котором излагалось обещание представить описи в Синод не позднее 15 декабря 1902 г., а «замедление» в отсылке описей, «по словам проф. Мышцына, было вызвано желанием его ознакомиться с восточными древностями в европейских музеях, в которых он имел случай быть минувшим летом». Эта фраза была помечена на полях вертикальной чертой и восклицательным знаком, выразившим эмоции читавшего письмо лица.²⁵

Обещание было исполнено: из донесения В. Н. Мышцына обер-прокурору Синода от 17 декабря 1902 г. следовало, что описи библиотеки и музея, написанные в трех экземплярах, были в тот день отосланы казенным пакетом в Хозяйственное управление. В донесении разъяснялось, что первый экземпляр описей — подлинник, прошнурованный, опечатанный печатью архимандрита Александра и им же подписанный — имеет много исправлений и дополнений, поэтому были сделаны две копии, одна из которых предназначалась для Синода, а другая — для РДМ. Свой поспешный отъезд из Иерусалима, повлекший за собой обязательство написать копии описей в России, В. Н. Мышцын объяснял сильным нервным расстройством.²⁶

22 февраля 1903 г. архимандрит Александр уведомил Хозяйственное управление Синода о получении шести тетрадей описей библиотеки музея, из которых две подлинные описи и по одному экземпляру копий с них были отосланы им в Синод, а второй экземпляр копий оставлен при миссии.²⁷

Ныне в архиве Синода РГИА хранятся только две тетради с описями книг, находившихся в библиотеке архимандрита Антонина.²⁸ Одна из них является подлинником, она опечатана красной сургучной печатью РДМ в Иерусалиме и подписана архимандритом Александром, вторая — переписанная набело с первой тетради опись библиотеки. В конце первой тетради на трех листах имеются карандашные пометки и зарисовки, относящиеся к экспонатам музея, но выполненные явно в большой спешке и без системы. В пометках суммарно перечислены памятники, находящиеся на столах и в различных шкафах в помещении музея: плиты и камни с надписями, светильники, кипрские кувшины, слепок с так называемой головы Ирода (подлинный памятник уже поступил к этому времени в Эрмитаж), саркофаги, мозаики, мраморные плиты с надписями и с христианской символикой. Никаких упоминаний о монетах в пометках не имеется.²⁹ Во второй тетради, тоже в конце, от руки карандашом помечено: «В казначействе получено 11 марта 1903 г. описи библиотеки и музеи, оставшиеся после б. начальника Иерусалимской миссии, архимандрита Антонина (четыре тетради)», но слово «четыре»

²⁵ Там же, л. 240.

²⁶ Там же, л. 241.

²⁷ Там же, л. 255.

²⁸ РГИА, ф. 834, оп. 4 (Рукописи Синода), д. 1240.

²⁹ Там же, л. 160—162 об.

перечеркнуто крест-накрест.³⁰ До сих пор мне не удалось найти в архиве описи музея архимандрита Антонина.

Возвращаясь к истории музея, остается сказать, что, получив наконец описи и очистив книги и вещи от пыли, начальник миссии архимандрит Александр, по-видимому, счел свои обязательства выполненными. Для музея не было отведено достойных помещений, а экспонаты не были разобраны и систематизированы специалистами.

Таковым оставалось положение в музее и при следующем начальнике Русской Духовной миссии — архимандрите Леониде (Сенцове; 1903—1918), ставшим во всех отношениях самым достойным преемником архимандрита Антонина в Святой Земле.³¹ Архимандрит Леонид был единственным главой миссии после о. Антонина, при котором музей пополнялся новыми памятниками. Но, по-видимому, и у него не было средств и возможностей провести их научную систематизацию и разместить в более приспособленном для хранения и экспонирования помещении.

В отчете по ревизии состояния миссии, проведенной накануне первой мировой войны помощником управляющего контролем при Святейшем Синоде М. В. Дьяконовым, содержатся краткие сведения о музее, свидетельствующие о том, что необходимость приведения его коллекций в порядок осознавалась и чиновниками Синода:

«Миссия имеет музей древних вещей, частью оставшихся еще от покойного архимандрита Антонина, а частью поступивших при архимандрите Леониде. Большинство этих вещей найдено при раскопках в Иерусалиме и других местах Палестины во время производства построек, а часть пожертвована разными лицами. Музей помещается в двух комнатах и размещен плохо. Кроме него есть еще маленькое собрание палестинских древностей в Елеонской общине, в Иерехонском, Хевронском и Тивердиарском приютах. Все эти древности требуют разборки, описания и надлежащего размещения в одном нарочитом музее».³²

Впечатление, которое составил о музее известный русский ученый М. И. Ростовцев во время посещения им Иерусалима в 1912 г., также побуждало задуматься о необходимости принятия мер по упорядочению экспонатов:

«Делом рук покойного арх. Антонина было и собрание небольшого музейчика в здании Миссии. Мне пришлось посетить недавно этот музей. В нем я нашел немало вещей первостепенного достоинства и прежде всего богатейшую коллекцию палестинской керамики, которая в последнее время все более и более интересует современное научное исследование. В состав музея входит и превосходный эллинистический саркофаг...

Этому богатству музея вещами отнюдь не соответствуют, однако, его внешность и царящие в нем порядки. Жалкая, ничтожная, плохо освещенная комнатка в обширнейшем здании Миссии, несколько жидких полок и шкапов, далеко не вмещающих всех вещей, груды вещей на полу и на столе. Ко всему этому отсутствие какой бы то ни было классификации в расстановке вещей, огромное количество подделок, ничем не выделенных, отсутствие какого бы то ни было толкового инвентаря.

Так ли это было и при арх. Антонине, я не знаю, но теперь это так. Не мудрено, что о таком собрании ничего не знают ни заезжие ученые, ни даже местные работники. Такой сарай с ценными вещами стыдно показать! А между тем нашлась бы, конечно, в помещениях Миссии квартира для музея; да и выстроить для него особое здание при массе возводимых теперь Мис-

³⁰ Там же, л. 169.

³¹ Россия в Святой Земле... Т. II. С. 10, 609—612.

³² Там же. С. 162.

сней построек вряд ли представляло бы непреодолимые затруднения. Наконец, недаром у нас имеется целый Археологический институт в Константинополе: нашлись бы у него силы, которые могли бы классифицировать собрание и сделать ему научный инвентарь».³³

Но эти справедливые, хотя и горькие, замечания остались без внимания.

Годы Первой мировой войны принесли миссии и музею много трудностей. В декабре 1914 г. по распоряжению турецкого правительства была осуществлена эвакуация сотрудников миссии. Осталось лишь несколько монахинь, которые пережили тяжелые времена в опустевших обителях. Здание миссии, храм Вознесения на Елеоне и другие помещения были опечатаны властями. После окончания войны мандат на владение Палестиной получила Великобритания, оставшаяся хозяйкой страны до 1948 г. Здание миссии было занято сначала американским отделением Красного Креста, затем Верховным мандатным судом Палестины (до 1948 г.). Экспонаты музея архимандрита Антонина и имущество Русской духовной миссии были перевезены в Спасо-Вознесенский женский монастырь на Елеоне, который с 1924 г. и по сей день находится в ведении Зарубежной русской церкви.³⁴ Музей разместился в так называемом Архимандричьем доме, построенном на том месте горы, где во время раскопок, проведенных под руководством архимандрита Антонина, были обнаружены мозаичные полы византийского стиля VI в.³⁵

По свидетельству одного из лучших биографов Антонина архимандрита Киприана (Керна), музей, «после войны перевезенный на Елеон, за неимением помещения в Миссии, занятой английскими судебными установлениями, находился все эти годы в жалком состоянии. Кое-как запакованные вещи, попорченные при переноске, брошенные и забытые, были только в 1929 г. разобраны, приведены в порядок и снова стали доступны осмотру и изучению. Вся работа по устройству музея и спасению многих вещей произвели египтолог профессор Г. И. и Елизавета Сергеевна Лукьяновы».³⁶

После второй мировой войны и образования государства Израиль, в состав которого вошел город Иерусалим, на русское наследство в Святой земле стало претендовать Советское правительство и представители

³³ *Ростовцев М.* Русская археология в Палестине // *Христианский Восток.* Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. СПб., 1912. Т. 1, вып. 3.

³⁴ *Никодим (Ротов),* архимандрит. История Русской духовной миссии в Иерусалиме. С. 68—70; *Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь на святой горе Елеоне. К столетию со дня освящения Спасо-Вознесенского храма. 1886—1986.* Иерусалим: издание Русской духовной миссии, 1986. С. 46, 53—54; *Баталден С.* Судьба русского землевладения в Иеусалиме во время Палестинского мандата // *Палестинский сборник.* СПб., 1993. Вып. 32 (95). С. 5—7.

³⁵ *Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь...* С. 23, 28; *Воробьева И. А.* Русские миссии в Святой земле в 1847—1917 годах. М., 2001. С. 83. Здесь автор монографии ошибочно пишет, что «на Елеоне был построен двухэтажный дом, в котором Антонин открыл археологический музей, где были представлены предметы, найденные при раскопках».

³⁶ *Киприан (Керн),* архимандрит. Антонин Капустин... С. 199, примечание.

Московской патриархии. Последние открыли в Иерусалиме еще одну Русскую духовную миссию. Но Спасо-Вознесенский монастырь с музеем архимандрита Антонина остался в ведении Зарубежной русской церкви. В юбилейном издании, посвященном 100-летию со дня освящения Спасо-Вознесенского храма, приводятся две фотографии, имеющие отношение к музею (о самом музее там не рассказывается): «Архимандричий дом» с музеем и «Экспонаты в музее». На последней представлен стеллаж, на пяти полках которого стоят керамические изделия, а этикетка на английском и русском языках гласит «Вазы и посуда. 500—100 гт. до Р. Х.».³⁷

В настоящее время свободного доступа посетителям в музей архимандрита Антонина нет. Для его осмотра необходимо получить благословение архиепископа Марка, главы Берлинской епархии Русской православной церкви за рубежом, ведающего также делами Русской духовной миссии. По сути, музей архимандрита Антонина так и не стал подлинным музейным собранием, доступным для работы специалистам и осмотра любителям старины, оставаясь во все годы своего существования лишь хранилищем древностей.

Из переписки по электронной почте с настоятельницей Спасо-Вознесенского монастыря на Елеоне игуменьей Моисеей, которая по моей просьбе посетила музей, удалось узнать, что нумизматическая коллекция архимандрита Антонина, к сожалению, не сохранилась.³⁸ И пока остается только гадать: какие еще утраты постигли музей в годы бедствий?

³⁷ Русский Спасо-Вознесенский женский монастырь... С. 28.

³⁸ Приношу свою искреннюю благодарность матушке Моисее, которая при осмотре музея выяснила, что там остались только три монеты (письма из Иерусалима от 04.04 2005 г. и от 24.10 2005 г.).